

Юнона Белова • Ада Огнева

Развод с предателем.

Ты скрывал
страшную правду!

Ада Огнева

**Развод с предателем. Ты
скрывал страшную правду!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с предателем. Ты скрывал страшную правду! /

А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Я нашла завешание мужа. Нашу компанию, квартиру, будущее он оставлял другой женщине. А потом обнаружили гостиничные чеки и переписка с медсестрой. Пять лет я строила наш бизнес, пока Артур, похоже, готовил предательство. Теперь я заберу у него всё: деньги, долю, право вернуться домой. Без сожалений. Но почему он не сопротивляется? Почему дрожат его руки, а на звонки отвечает незнакомка из онкологической клиники? Чем ближе победа в разводе, тем страшнее становятся найденные документы. А когда я наконец узнаю, что скрывал муж, может оказаться поздно просить прощения. Кто превратил нашу любовь в ловушку? И сколько времени у меня осталось, чтобы исправить ошибку?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Развод с предателем. Ты скрывал страшную правду!

Глава 1

В 18:45 я отпустила команду. На экране ещё краснели строки отчёта, зато в соседней комнате уже застёгивали куртки. Очень своевременно. «Всем разойтись. Завтра цифры должны быть чистыми». Обычно после этих слов Артур закрывал ноутбук первым.

Артур остался сидеть. За день трое разработчиков успели привести к нему свои ошибки, и все трое ушли довольные. Теперь он смотрел в монитор, не касаясь клавиатуры. Пальцами мямл рубашку у живота. Собирался поговорить со мной — знала я этот жест. Наверное, опять то, что можно перенести на выходные.

— Иди домой, Артур, — сказала я на ходу. После планёрки мне предстояло закрыть ещё два письма; на роль внимательной жены времени в календаре не осталось. И с ним, своим техническим директором, я сейчас говорила так же, как со всеми.

Но Артур не двинулся с места.

У порога кабинета я остановилась. Артур теребил рубашку, словно не мог расстегнуть верхнюю пуговицу. Хотелось спросить, что с ним. Вместо этого посмотрела на его стол: может, письмо клиента — что-то, с чем я умею справляться.

Вернулась к его столу. Между распечатками кода лежала раскрытая картонная папка. На обложке маркером: «ЛИЧНОЕ. НЕ ТРОГАТЬ». Артур подписывал всё, даже коробки с проводами. Но запрещать мне? Папка была открыта, угол верхнего листа загнулся. Я успела прочитать первое слово.

В горле пересохло. «Личное» — в нашем общем офисе, на столе мужа.

Можно было отойти. Взять ноутбук, уйти к себе, дать ему закончить разговор. Только я уже рассердилась на надпись. В своей компании требовала показывать мне любой документ — и сейчас вела себя так, будто у мужа тоже нет права закрыть от меня папку.

Я потянулась к бумагам. Артур поднялся, будто хотел остановить меня, но ушёл в соседнюю переговорную. Перевернув страницу, я уже не смотрела ему вслед.

Завещание. Я сначала прочитала фамилию нотариуса, потом имя мужа; оба выглядели убедительнее, чем то, что стояло ниже. Доля в стартапе, его недвижимость — Кире Волковой. Медсестре. Пять лет я подписывала за нас договоры, а он оставлял всё женщине, о которой мне даже не сказал.

Пришлось ухватиться за край стола. Я упрямо смотрела на подпись и печать, надеясь найти что-то, что отменяло чужое имя. На следующей странице лежали чеки. Отель «Метель». Две ночи подряд. На прошлой неделе. Когда Артур говорил, что едет в Питер на конференцию разработчиков.

Он назвал ту поездку конференцией. Я тогда спросила только, успеет ли вернуться к встрече с фондом. Успел, конечно.

И тут телефон Артура на зарядке рядом с клавиатурой вспыхнул экраном. Пришло голосовое сообщение от Киры. Над ним — недавно отправленное Артуром.

Телефон коротко завибрировал и затих. Кира. Он записал её без фамилии — так же, как меня. На секунду именно эта мелочь показалась хуже завещания.

Телефон был ещё разблокирован. Я нажала на последнее сообщение Артура и поднесла динамик к уху.

В записи Артур задышался между словами. Я включила диктофон на своём телефоне и поднесла его ближе: пусть потом не отрекается от сказанного.

— Я не могу больше притворяться, Кира, — шептал Артур в трубке. Его голос дрожал, ломался. — Она узнает сегодня. Я должен уйти. Мне нужно, чтобы ты была рядом, когда я скажу ей правду. Хотя бы физически. Я не справлюсь один.

«Она узнает сегодня». Я прослушала эти слова ещё раз. «Она» — это я. Взгляд вернулся к завещанию, к строке о доле. Теперь я боялась уже не только другой женщины. Артур мог оставить меня с кредитами, обязательствами, командой, которой завтра нужно платить.

Артур вернулся из переговорной и остановился в дверях. Посмотрел на телефон у меня в руке. Такой серый он был и утром; я ещё подумала, что опять просидел за кодом до трёх. Сейчас он прикрыл глаза. Будто ему требовалась ещё секунда, прежде чем увидеть меня и ответить.

Я ткнула телефон ему в грудь. Артур не сразу поднял руку, и аппарат упал на пол. Ни он, ни я не наклонились за ним.

— Кто такая Кира? — спросила я. Пришлось понизить голос: если бы произнесла громче, сорвалась бы на крик.

Артур не ответил. Он просто стоял, опустив голову, избегая взгляда. Я ждала хотя бы «ты всё не так поняла». Он молчал, глядя на упавший телефон. Для меня это было признанием.

Я вдруг улыбнулась. Губы плохо слушались, зато голос вернулся. Хотелось увидеть на его лице то, что он только что сделал со мной.

— Ты будешь жалеть, — сказала я. В голове ещё не было ничего, что я могла бы ему сделать. Но хотелось, чтобы он испугался сейчас. — Ты будешь жалеть, что вообще посмотрел на меня.

Развернувшись, я вышла из кабинета. Слышала, как Артур позвал меня, но шаг не замедлила. Сейчас любое его слово могло заставить меня остановиться, а останавливаться я боялась.

На первом перекрёстке я едва не проехала на красный. Затормозила, отпустила руль на секунду — запястья болели. Плакать нельзя, пока веду машину. Думать о пяти годах тоже нельзя. О счетах можно. О долях. О том, какие документы нужны Геннадию.

К особняку Геннадия я подъехала, не позвонив заранее. Пусть отменяет встречи. За столько лет он не раз спасал наши договоры; сегодня мне хотелось, чтобы он разорвал один. Последний. Если Артур уже всё решил, я хотя бы определю, с чем он уйдёт.

Геннадий сидел с виски за дубовым столом. Я встала напротив, и он отставил бокал, не предложив мне сесть. Обычно это делалось сразу: кресло, кофе, вопрос о делах. Сегодня он внимательно разглядел меня и только потом поднял брови.

— Виктория, — протянул он, ставя бокал. — Ты выглядишь так, будто проглотила гвоздь.

Перед выездом из офиса я сделала копии чеков. Теперь швырнула их на стол Геннадия и включила запись на своём телефоне.

— Мой муж изменяет мне, — сказала я сухо. — И, возможно, крадёт данные компании. Вот доказательства.

Он перебрал чеки, совместил края и включил запись. «Я не могу больше притворяться...» Я следила за ним: где он остановит? Что спросит? Геннадий дослушал до конца, даже не поморщившись. Мне хотелось снова нажать на воспроизведение, заставить его понять, чей это голос.

Геннадий вернул бумаги на стол и отодвинул мой телефон. На губах появилась знакомая усмешка. Раньше так он смотрел на неудачный пункт чужого договора, который сейчас собирался обернуть в нашу пользу.

— Сказать тебе, что это выгорание? — Геннадий постучал по чеку. — Вика, здесь деньги. Он оставляет долю этой женщине. Через неё активы и уйдут. Кира может вообще не понимать, во что ввязалась.

— Гена, я не хочу оплачивать ему новую жизнь. Забери всё, что можно. До последнего рубля, слышишь? Пять лет он возвращался ко мне домой. Пусть теперь попробует вернуться с пустыми руками.

Он обошёл стол и положил ладонь мне на плечо. Я не отстранилась. Давно меня не утешали так, без просьбы объяснить, что я сама сделала неправильно.

— Тогда не откладываем. Если он украл твою жизнь, мы украдём его будущее, — сказал Геннадий, не убирая ладони с плеча. — Подадим на обеспечение иска, займёмся долей. Пока разберётся, что заблокировано, ему уже не на что будет снимать квартиру.

Я кивнула. Впервые за вечер мне предлагали что-то сделать, а не терпеть. Слова Геннадия хотелось принять за обещание — без оговорок и сроков.

— Начинаем завтра утром, — сказала я.

— Сегодня вечером, — поправил Геннадий. — Время деньги. А ты любишь деньги, Вика.

Глава 2

Дома никто не включил свет в прихожей. Я открыла дверь ключом и постояла, прислушиваясь. Из кабинета не доносился стук клавиш. На кухне не работала кофемашина.

В спальне были открыты дверцы шкафа. Его повседневные рубашки исчезли; костюмы ещё висели. На полке лежала одна свёрнутая футболка, и я не сразу поняла, что она моя. Он достал её из своих вещей и оставил. Успел даже это.

Пока я сидела у Геннадия, он собирался дома. Значит, собирался заранее. Иначе как успел?

В телефоне ещё стоял номер мужа. Стерла и открыла рабочую панель. Он знал все доступы, мог войти удалённо — раньше меня это устраивало. Теперь первым делом хотелось увидеть, что больше не войдёт. Звонить после этого было бы особенно нечего.

В кабинете включила свой компьютер. Ввела пароль, получила запрос второго кода. Разумеется, он приходит Артуру — мы так настроили, чтобы подтверждал технический директор. Я посмотрела на его пустое кресло и полезла за аварийными кодами.

«Сдохни, Артур», — подумала я, вводя резервный код из сохранённого Артуром аварийного набора. Экран моргнул и открылся. Я отключила удалённый вход Артура и деактивировала его рабочий аккаунт.

Вход Артура больше не работал. Обновила страницу, проверила ещё раз. Во вкладке журнала не было ни одного подозрительного действия. Этого я сейчас не собиралась замечать: доступ можно закрыть и заранее, мне не требовалось дожидаться ущерба.

Позвонила Тамара Ивановна. Я дала телефону вибрировать несколько секунд: пусть тоже подождёт. Наверняка сын уже сообщил свою версию, и сейчас мне объяснят, как правильно с ним поступать.

Я взяла трубку, но говорить не стала первой.

— Вика? — голос Тамары Ивановны дрожал. Старческая тревога, граничащая с истерикой. — Скажите мне, где мой сын? Артур не берёт трубку. Он... он не дома.

— Он уехал, — холодно ответила я. — Вместе со своей новой любовью.

Тамара Ивановна не ответила. Я проверила экран: связь ещё шла. В трубке слышался только её вдох, короткий, будто она не могла набрать воздуха.

— Вика, пожалуйста, — прошептала Тамара. — Вы должны понять. Ему тяжело. Очень тяжело. Он скрывал это от вас, чтобы не ранить. Пожалуйста, найдите его. Не разводите войну. Дайте ему шанс объяснить.

Конечно, шанс. Сыну всегда полагался ещё один, а мне — ещё немного терпения. Я держала телефон подальше от лица: от её просьбы вдруг стало тошно. Хотелось потребовать, чтобы она хоть раз сначала спросила, что пережила я.

— Пусть ваш сын сам объяснит мне, почему спал с медсестрой в отеле «Метель», пока я строила наш бизнес, — процедила я сквозь зубы. — Не смейте звонить мне снова.

— Он бы никогда не стал лгать о таких вещах... — вдруг произнесла Тамара странным, отрешённым голосом. — Если бы не боялся тебя.

Боялся? Я закрывала его просроченные задачи, договаривалась с клиентами, оплачивала дом. Он не боялся приносить мне очередное «не успеваю». Теперь его мать предлагала считать причиной всего меня. Хотелось прочесть ей завещание, по строке.

— До свидания, — бросила я и сбросила вызов.

Бросила телефон на диван. Все уже знали, что я сделала не так. Почему никто не спрашивал, что сделал Артур? Я могла переслать фото и его матери. Открыла сообщение, но вместо этого встала: с Тамарой Ивановной одних бумаг всё равно не хватит.

В кухне стоял пакет с мусором. Взяла его и пошла к выходу: раз уж всё равно не лягу, хотя бы не оставлю на утро. Узел не затягивался, и пришлось дважды обернуть ручки вокруг пальцев.

Возле ведра у лифта лежал смятый конверт. Пакет с мусором я опустила первой — ручки врезались в пальцы. Конверт был чистый, только угол надорван. Кто-то не попал в ведро или не хотел, чтобы попал? Подняла его, прежде чем успела решить.

Конверт был лёгким. Я вскрыла его прямо там, под тусклым светом датчика движения.

Внутри была фотография.

Артур стоял рядом с каштановолосой девушкой. Её голова откинута, она смеётся; его ладонь у неё на спине. Я рассматривала именно ладонь. Он так подхватывал меня, когда мы танцевали на кухне. Значит, я и это теперь должна была разделить с Кирой.

Я повернула снимок к свету. Фотография была слишком чёткой для случайного кадра. Лица видны целиком, чужая ладонь на его плече. Скрытая камера? Нет, скорее постановочный кадр. Ловушка? Возможно. Геннадий говорил, что враги могут использовать провокации.

Никакие рассуждения о постановке не помогали. Он смотрел на неё, и всё. Я не была там, не знала, что они сказали друг другу, зато уже слышала его голос из записи: «Мне нужно, чтобы ты была рядом». Рядом была она.

Я сделала копию снимка на телефон и отправила Геннадию с подписью: «Это конец. Начинаем войну».

На обороте снимка было название клиники. OncoLife. Прочитала медленно: онко. Теперь я видела, где работает Кира. Не просто медсестра с гостиничной фотографии — человек из онкологии. Геннадий ничего об этом не сказал.

От названия клиники захотелось засмеяться. Медсестра, онкология — какой удобный способ заставить меня замолчать: только попробуй заподозрить что-нибудь плохое.

— Какой цинизм, — прошептала я вслух, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Он даже для любовницы выбрал место, где лечат рак. Хотел, чтобы я видела его «боль»? Чтобы жалела? Игра в бедного родственника? Нет, это просто дешёвая манипуляция.

Скомкала фотографию и бросила в ведро. Уже в кухне посмотрела на часы: полночь. До встречи с Геннадием девять часов. Можно было поспать, если не вспоминать, какой мягкой была бумага в руках. Точно легче бумаги, которую я собиралась подписать завтра.

В кухне захотелось сесть. Вспомнилось лицо Артура на снимке: может, я приняла за нежность просто усталость? Он опирался на девушку. Или обнимал её? Теперь я не могла уверенно сказать.

И это название. OncoLife. Я потянулась к поиску на телефоне, но экран снова заполнило сообщение Геннадия о документах на завтра.

А если он болен? Пальцы остановились над поиском. Тогда придётся спросить у него, сколько времени он скрывал это. Придётся вспомнить его лицо в офисе. Я убрала телефон: Геннадий предупреждал о провокациях. Сначала документы. Болезни бывают и выдуманные.

Я подошла к окну. В стекле отражалась я: губная помада стёрта, край воротника загнулся. Поправила воротник. Даже сейчас было проще заняться им, чем позвонить в клинику.

Я снова открыла снимок на телефоне. Увеличила лицо Артура — пиксели распались, и больше ничего не удалось разглядеть. Можно было достать оригинал из ведра. Можно было набрать его номер и дать договорить.

Вместо этого проверила, получил ли Геннадий моё сообщение. Две отметки прочтения. Он ответил: «Завтра в девять. Не передумай».

Я закрыла шторы и поставила будильник на семь. Утром придётся работать за двоих, как всегда. Эта мысль успокаивала: в ней он ещё был моим мужем, который опять не справился со своей частью дела.

В постели телефон опять завибрировал. Я схватила его: наконец Артур. Но на экране был список от Геннадия. Паспорт, свидетельство о браке, выписки. Наши имена теперь понадобятся не на одной строке. Прочитала список ещё раз — только потом погасила экран.

Я перечитала его до конца. Потом ещё раз. Артур так и не написал.

Утром у Геннадия я даже пальто не сняла. Вчера он обещал начать сразу, а сегодня сидел перед биржевым графиком. стакан воды, предложенный секретаршей, мешал: положить его было некуда, документы занимали весь край стола. Я ждала, когда он наконец займётся моим мужем.

— Пятьдесят на пятьдесят, Вика, — Геннадий даже не поднял глаз от монитора, где плавал график роста акций какой-то фармкомпании. — Стандартная практика. Вы оба внесли равный вклад в стартап. Развод будет быстрым, чистым. Ты получишь свои доли, он свои. Зачем устраивать цирк?

Я поставила стакан на стол с таким стуком, что вода плеснула через край. — Цирк? Он спал с другой. Прямо у нас под носом, в отеле «Метель», пока я работала над стратегией выхода на рынок. И ты предлагаешь мне поделиться прибылью с предателем?

Геннадий наконец посмотрел на меня. В его глазах читалась скука человека, который видел сотни таких же историй, но ни одна не была интересной. — Моральный ущерб в суде — это пустой звук, если нет доказательств физической близости. Фотографии из отеля могут быть постановкой, деловой встречей или вообще фальшивкой. А вот если мы попробуем забрать всё, включая интеллектуальную собственность, судья решит, что ты мстительна. Это снизит твои шансы на выгодное решение по недвижимости.

— Мне плевать на шансы, — процедила я. — Мне нужна его беспомощность. Я хочу, чтобы он вышел из этого брака с нулем. Чтобы он понял, каково это — когда тебя вышвыривают, как мусор.

Геннадий вздохнул, потянулся к своему планшету и развернул экран ко мне. — Тогда нам нужен компромат. Жирный, сочный, неопровержимый. Вот переписка твоего мужа с этой медсестрой, Кирой.

Я прочитала строку, которую он подсветил пальцем. «Я не могу смотреть ей в глаза, когда она улыбается».

Я перечитала строку. Он не может смотреть ей в глаза, когда она улыбается? Мне он в последние месяцы почти не улыбался. — Он любит её, — сказала я. — Пишет своей любовнице, как ему больно возвращаться ко мне. И ведь возвращался, Гена. Каждый вечер.

Геннадий хмыкнул и убрал планшет прежде, чем я успела прокрутить переписку выше. Попросить показать остальное я не догадалась. Строка уже застряла в памяти, и мне казалось, что других слов не нужно.

— Ладно, — сказал юрист, доставая ручку. — Если хочешь жестко, мы идем по пути увольнения. У тебя есть право голоса в совете директоров. Артур числится техническим директором, но его доля в управлении минимальна после прошлых реорганизаций. Мы можем обвинить его в конфликте интересов и нарушении корпоративной этики, используя факт общения с сотрудником клиники-партнера (Кира работает там же). Это даст основание уволить его без выплат по золотому парашюту.

— Делай, — сказала я. — И заблокируй его доступ к серверам прямо сейчас. Пусть он даже код не сможет скинуть.

Глава 3

Вечером я услышала холодильник ещё из прихожей. Обычно за звуками телевизора и клавиатуры его не замечала. Сняла туфли и оставила у двери, хотя всегда убирала сразу. Хотелось, чтобы Артур вышел из кухни и споткнулся о них. Хотелось застать его дома.

Он мог встретить меня у порога. Мог бы даже кричать — после блокировки доступов имел повод. Но на кухонном столе лежала связка ключей, а рядом сложенный лист. Я сначала подняла ключи: домофон, дверь, почтовый ящик. Никаких новых. Значит, свои он просто положил здесь.

Я взяла записку. Почерк Артура, аккуратный, мелкий, почти неуверенный. «Прости, что стал обузой».

«Обузой». Я произнесла это вслух и посмотрела на стул напротив. А куда делось «прости за Киру»? За гостиницу? Он выбирал другое объяснение, в котором уже я должна пожалеть его. Очень удобно: ушёл и оставил мне разбираться даже с его извинением.

Записка легла текстом вниз. Перевернуть её хотелось сразу — ещё раз прочитать, проверить, не пропустила ли чего. Я удержалась. Он оставил ключи, собрал вещи, написал два слова. Даже не попытался дождаться моего ответа. И это оказалось обиднее ожидаемого скандала.

Зазвонил телефон. Геннадий. — Документы на квартиру готовы. Предлагаю выставить лот немедленно. Пока он не нанял другого адвоката и не начал тянуть время. Элитная недвижимость, две спальни, гараж. Мы выучим сумму, которая покроет все наши издержки и еще останется тебе.

— Я хочу видеть, как он съезжает, — сказала я, глядя в окно на темнеющее небо Москвы.

Пауза. Геннадий помедлил. — Вика, это может выглядеть... слишком жестоко. Даже для меня. Ты понимаешь, что юридически он имеет право проживать здесь до момента продажи?

— Он уже собрал вещи, Гена. Щётка исчезла из ванной. Из шкафа он забрал рубашки, которые носил чаще всего. Он добровольно отказался от территории. Я просто прихожу посмотреть на финал.

На следующий день вернулась раньше. У дверей стояли три коробки; одна была заклеена плохо, крышка топорщилась. Переступила через неё, задев каблуком край. Артур не вышел помочь. Значит, опять придётся самой расчищать проход в собственную квартиру.

Артур сидел на полу перед чайником и кружкой. Я посмотрела на пустой стул: почему не там? Он разглядывал светлый след на обоях от нашей фотографии. Сам снял её, что ли? На полу между коробками рамки не было. Спрашивать я не стала.

Остановилась в дверях. Артур мог бы повернуться, увидеть коробку, которую я задела, спросить, что опять не так. Но сидел ко мне боком. Пришлось шагнуть в комнату, чтобы перестал смотреть на место нашей фотографии.

— Тебе пора, — сказала я. Хотела добавить «к ней». Не добавила: это означало бы спросить, где Кира, а я ждала, чтобы он начал объяснять сам.

Артур поднял голову. Я искала на его лице обиду: хоть что-нибудь, с чем можно спорить. Он посмотрел на коробки, будто я напомнила, зачем сюда вернулся. — Да. Пора.

Если бы он спорил, у меня были бы ответы. Готовые, отточенные за ночь: про Киру, про долю, про отель. А на его тихое «пора» ответить было нечем. Я стояла у коробок, будто пришла мешать человеку переезжать. Пришлось заговорить самой.

— Почему ты не борешься? — спросила я, подходя ближе. Каблуки цокали по ламинату. — Ты же знаешь, что я заберу компанию. Что ты останешься нищим. Почему ты молчишь?

Артур сделал глоток чая. Пар не шел от кружки. Она была холодной. — Потому что борьба требует сил, Вика. А у меня их нет.

«Нет сил». Я услышала просьбу остановиться, хотя он произнёс только эти слова. Ну да, конечно. У меня с утра совещание, Геннадий, банк, вечером вся эта квартира — а у него нет сил даже спорить. Значит, я ещё должна уступить?

Он поднимался, держась за стену. Я невольно отступила, освобождая место, и сразу рассердилась на себя: опять подстраиваюсь. Артур взял небольшую коробку. Прошёл мимо так, чтобы даже рукавом меня не задеть. Обычно в этом узком месте мы неизбежно сталкивались.

Он прикрыл за собой дверь. Я прислушалась: сейчас вызовет лифт и уедет. Мог бы вернуться, но возвращаться он явно не собирался.

За дверью ещё слышались шаги, когда я пнула стопку, выпавшую из коробки. Бумаги разъехались по ламинату. Я уже собиралась сгребсти их к остальному мусору, но на верхнем листе была шапка клиники. Села на корточки и вытащила его из-под ножки стола.

Остальные листы ещё лежали вокруг. Я потянула к себе ближайший, чтобы проверить фамилию.

На листах стояло название клиники Киры. Я вытащила следующий — тоже её клиника. Думала, упали рабочие распечатки, а он вынес из дома медицинскую папку. Зачем оставил часть здесь?

Диагноз был записан кодом. Названия процедур мало что мне говорили; взялась за то, что могла проверить. Стоимость. Сотни тысяч за месяц. Сравнила два соседних счёта: разные услуги, суммы ещё выше. Их я уже умела складывать.

— Вот оно, — сказала я, раскладывая листы возле колена. Он ведь утверждал, что никаких крупных личных расходов нет. Я тогда спросила о новом оборудовании — даже не о себе.

Эти деньги были общими. Я привыкла видеть их в отчёте, где каждому расходу есть объяснение. Здесь объяснение давала клиника, в которой работала Кира. Неужели они и счета использовали как прикрытие? Я сразу выбрала именно эту версию.

Я вспомнила его бледность. Его худобу в последние месяцы. Я думала, это стресс от работы. От моих требований. А теперь вижу картину яснее: он болел? Или притворялся больным, чтобы иметь алиби для измены?

Услуги клиники стоили дорого. Кира могла проводить его по своим документам, давать скидки, придумывать основания для встреч — сколько угодно вариантов. Я перебирала их, не задерживаясь на том, что на каждом листе был один пациент: мой муж.

Сняла каждую страницу. Один кадр вышел смазанным, пришлось положить лист на пол и переснять. Мне хотелось, чтобы Геннадий получил читаемую сумму. На фамилию пациента я специально не наводила: сама уже знала, чья.

Отправив файл Геннадию с подписью: «Это то, на что он спускал наши деньги. Финансовое мошенничество через клинику любовницы. Разнеси его по частям», я села на диван и посмотрела на пустые стены.

Во рту был привкус крови: я всё это время кусала щёку. Перестала только теперь, когда отправила Геннадию документы.

Папка лежала у меня на коленях. Я всё ещё слышала: «Нет сил». Он ведь даже коробку поднимал двумя руками, хотя там были только бумаги. Чай тоже не допил. Кира могла бы хоть нормально покормить его, раз забрала. Эта злая мысль помогла не закрывать выписки.

Захлопнула папку. Если начать сейчас разбирать, почему у него дрожали руки, остановлюсь на том, что сама должна была заметить раньше. А мне нужно было завтра объяснить Геннадию другое: куда ушли деньги и как их вернуть.

Представила суд. Я говорю, он слушает; никто не сможет перебить меня словами про мою требовательность. Чеки лежат перед судьёй. У каждого расхода — дата. Наконец-то мне достаточно будет показать бумаги, а не доказывать, что я тоже имею право обижаться.

Хотелось, чтобы хоть здесь меня выслушали до конца.

Я собрала страницы в папку и спрятала под договоры. Стоило убрать их с глаз, как снова вспомнила Артура у стены. Пришлось открыть папку ещё раз.

Вверху страницы стояло его имя. Я смотрела на суммы, старательно обходя взглядом строку «пациент».

Завтра надо будет забрать у него последние диски. Это я и написала ему: время, адрес, короткое «без опозданий». На большее меня не хватило.

Сообщение было доставлено. Я дождалась второй отметки и закрыла телефон: теперь он знает условия.

Глава 4

В тот же вечер я открыла рабочий отчёт. Компания пока выполняла обязательства, несмотря на отсутствие технического директора. Новые инвесторы были довольны моим "решительным шагом". Геннадий прислал отчет: дело продвигается отлично, Артур не наймет адвоката, потому что у него нет денег. Он искал дешёвую комнату на окраине. Геннадий адреса пока не знал.

В квартире я всё время поворачивала голову к кабинету. Клавиатура молчала. Открывала выписки, находила суммы и называла их про себя, как на рабочей проверке: сто пятьдесят, двести, триста пятьдесят. С цифрами было проще, чем с пустым креслом мужа.

150 000. 200 000. 350 000.

Можно было пересчитать третий раз — сумма не становилась меньше.

За каждую из них мне приходилось закрывать сделки. Он потратил — а я ещё и тоскую. Стоило напомнить себе это, и папку снова можно было убрать.

Позже, возвращаясь с делового ужина, я заехала к старому дому родителей. Хотела просто выпить чаю с матерью, которая все эти годы считала Артура "тихоней" и предупреждала меня: "Смотрящие в пол люди опасны, Виктория. Они накапливают злобу внутри".

Мать посмотрела на мои новые кольца, на дорожную сумку, на уверенную походку. — Ты счастлива, дочка? — спросила она, наливая чай.

— Я свободна, — ответила я. — И справедливость торжествует.

Мать хмыкнула, но ничего не сказала. Она знала меня лучше всех. Она видела, как я натягиваю улыбку, когда говорю об успехе.

Позже, в машине, я остановилась на светофоре и посмотрела в зеркало заднего вида. За мной никого не было. Пустая дорога. Темнота.

И вдруг телефон завибрировал. Незнакомый номер.

Я ответила, уверенная, что это курьер или ошибка. — Алло.

В трубке дышали. Я чуть не отключилась: случайный вызов, зачем ждать? Но из этого дыхания вдруг получилось моё имя. — Вика...

Артур. Я подтянула телефон к уху. Ещё секунду назад хотелось сбросить, теперь боялась даже сдвинуть аппарат.

— Где ты? — спросила я и сразу рассердилась, что спросила первым делом. — Я просила не звонить. Геннадий говорил тебе? Опять хочешь, чтобы я всё бросила и слушала?

Он пытался ответить, но между словами делал вдох, ещё вдох. — Не надо исков... Вика... Я не хотел... чтобы ты знала...

— Знала что? Что ты больной? Что ты лжец? Что ты тратишь наши деньги на проститутку в белых халатах?

Голос в трубке сорвался на всхлип. Станный, глухой звук. — Прости... что стал... обузой...

Щелчок. Связь оборвалась.

После обрыва я смотрела на время звонка. Короткий. Даже минуты мне не хватило, чтобы услышать что-нибудь, кроме «обуза». Поставила телефон на держатель и взяла руль. Кожа под пальцами скрипела; я всё ещё держала его слишком крепко.

Он звонил извиняться? После всего, что я с ним сделала? После того, как я выгнала его, забрала дом, разрушила жизнь?

Я набрала оборвавшийся номер, но сбросила до первого гудка. Зачем? Опять слушать «обуза»? Он даже сейчас нашёл способ сделать меня виноватой. Если с ним действительно беда, почему не скажет прямо? Я тогда не позволяла себе другого вопроса: почему не даю ему договорить.

Я набрала номер Геннадия. — Найди его. Любыми средствами. Я хочу, чтобы он подписал бумаги о разделе имущества до конца недели. Иначе я сделаю его жизнь адом публично. Раскрою его тайну. Всему миру.

Геннадий согласился.

Завела двигатель и пропустила машину справа. Впереди горел зелёный, за мной уже посигналили. Пора ехать. Завтра будет работа, документы, встреча с Артуром. Всё это я могу сделать. Только зачем-то снова посмотрела на телефон: не пришло ли сообщение.

Сообщения не было. Я положила телефон экраном вниз, чтобы не проверять на каждом светофоре.

На ближайшем повороте я сбавила скорость. Нужно было посмотреть маршрут, а пальцы снова вывели его номер. Я стёрла цифры и открыла навигатор.

На следующий день Артур вернулся за дисками и оставшейся одеждой. Я впустила его и сразу включила колонку. Пусть говорит громче, если ему опять есть что объяснять. Больше всего я боялась услышать его обычный тихий голос и на минуту забыть, зачем всё это делаю.

Гостиная нашей квартиры — той самой, которую мы брали в ипотеку под семь процентов, сверяя платежи на кухонной салфетке, — была завалена мешками. Я заранее принесла их из кладовой. Чёрные, плотные, для мусора. Коробки закончились, а за новыми я идти не собиралась.

В руках был серый свитер, мой подарок на третью годовщину. На манжете я заметила штопку: Артур зацепил рукав за корпус сервера и попросил починить. Тогда мы ещё умели просить друг друга о мелочах. Я затолкнула свитер в мешок. Следом — рубашки и книги по квантовой механике, которые занимали целую полку. На одной осталась закладка. Вытащить её или оставить? Господи, почему я вообще об этом думаю?

— Артур, — крикнула я сквозь музыку. — Не стой как пугало. Помоги или уходи. Мне не нужны твои сопливые глаза.

Он опустился на пол, прислонившись к дивану. Даже не попытался взять книгу из моих рук. Я стояла со стопкой, которую теперь некуда было положить: открытый мешок лежал у его ног. Хотела, чтобы он наклонился, придержал край. Хотела хоть какой-нибудь реакции.

Он смотрел на меня и молчал.

Я повернула регулятор громкости. Колонка взвыла, и Артур поморщился. Этот жест вернул мне уверенность: значит, слышит. Значит, может ответить.

— Встань. Ты ведёшь себя как жертва. Хватит играть роль бедного мужа.

Он остался сидеть. Положил ладони на колени, попытался сцепить пальцы. Они дрожали. Я видела это и заранее приготовилась к объяснению: нервы, давление, бессонная ночь. К чему угодно, только бы опять заставить меня пожалеть.

— Ты думаешь, я не знаю, почему ты молчишь? — спросила я, наклоняясь к нему. — Ты ждёшь, пока я смягчусь. Пока Геннадий Сергеевич не скажет, что схема не работает. Но она работает, Артур. Идеально.

— Вика... — Он прочистил горло. — Мне нужно объяснить. Это не то, что ты думаешь.

— Молчи!

Я хлопнула ладонью по столу. Кофе выплеснулся на документы; пришлось отодвинуть их, и эта нелепая возня разозлила меня ещё сильнее.

— «Не то, что ты думаешь». Классика. Ты встречался с ней. Кира. Медсестра из частной клиники. Вы ездили в отель «Метель». У меня есть фото. У меня есть чеки. Чего ты хочешь мне рассказать? Что любил её тело, но скучал по моему мозгу? Или болезнь была лишь предлогом для измены?

Он открыл рот. Я дала ему секунду — целую секунду, как мне тогда казалось. Артур прижал ладонь к виску и отвернулся. Ответа я не дождалась.

— Похмелье? — усмехнулась я. — Или приступ совести? Как тебе удобно, Артур. Слабый муж прячется за головной болью, чтобы не смотреть в глаза фактам.

— Это не похмелье. Мне нужны диски. Жёсткие. Там код. Проект не завершён. Если сегодня не передать исправление, сервер может упасть. Компания потеряет данные.

Я засмеялась, но вышло некрасиво, почти кашель. Он наконец назвал то, за что я могла зацепиться. Код. Компания. То, о чём мы способны спорить без слёз.

— Доступ тебе перекрыт, забыл? Геннадий готовит заявление о мошенничестве. Ты не получишь диски, пока их не проверят. А если они содержат улики против тебя — тем лучше. Я не позволю уничтожать доказательства.

— Там нет улик против меня! — Артур повысил голос и тут же сбился. — Там только работа. Моя жизнь.

— Теперь это часть имущества, которое делится поровну. Или... — я наклонилась ближе, — которое ты сам передашь потерпевшей стороне. То есть мне. Извини, правила игры изменились.

Я сказала «потерпевшая сторона» и подождала. Артур мог спросить, кто меня так назвал: суда ещё не было, заявления лежали у Геннадия. Но он не спрашивал. Значит, можно было говорить дальше. Меня тогда устраивало и такое согласие.

Глава 5

В дверь позвонили. Я выпрямилась, поправила волосы и пошла открывать. Курьер протянул планшет и конверт с бумагами Геннадия.

— Документы о доступе к сейфу и картам, — сказала я Артуру, разрывая конверт. — И акт передачи ключей. Подписывай, или я вызываю полицию.

— Квартира общая, Вика.

— Значит, объяснишь им, зачем возвращаешься после того, как съехал.

Курьер посмотрел с меня на Артура. Я расписалась за доставку и вернула ему планшет. Парень ушёл слишком быстро, даже не пожелал хорошего дня. Бумаги остались у меня; мне не нужно было его сочувствие.

— Ключи, — потребовала я, указывая на столик у двери.

— Я оставил их вчера.

— Тогда диски тоже остаются. Всё должно быть зафиксировано.

Артур посмотрел на связку, лежавшую там со вчерашнего дня. Я вдруг вспомнила, как он искал её по утрам, а я смеялась: «Без меня ты даже из дома не выйдешь». Сейчас эта память была лишней. Убрала ключи в ящик, чтобы не смотреть на них.

— Ещё одна вещь, — сказал он, поднимая глаза к антресоли.

Там стояла старая коробка с наклейками из поездок. Свадебные альбомы. Фотографии на море. На первой странице я была в платье, которое мы покупали вдвоём: продавщица выгнала его из примерочной, а он остался ждать у двери с моими туфлями в руках.

— Нет.

— Пожалуйста, Вика. Только коробку. Она не содержит активов. Только память.

— Память — это тоже актив. Всё, что связано с нашим прошлым, пока остаётся здесь.

Геннадий называл это сохранением активов. Если повторить за ним, выходит почти прилично: я не отнимаю свадебные альбомы, а сохраняю. Артур смотрел вверх, туда, где стояла коробка. Не оценил термин. Пришлось самой лезть за ней.

Принесла стремянку, поднялась и стащила коробку вниз. Она оказалась тяжелее, чем я помнила. Артур шевельнулся, собираясь помочь; я отдернула её и едва не уронила на пол. Поставила в угол возле мешков. Пусть видит: она здесь, цела. Просто не у него.

Артур накрыл лицо ладонью. Я приподняла коробку: может, встанет и поможет хотя бы подвинуть? Не встал. Поставила обратно с нарочитым стуком. Он смотрел на крышку, и я уже приготовилась ответить, что не отдам.

— Это всё, что у меня осталось, — прошептал он.

Я вздрогнула. Пришлось снова смотреть на бумаги, чтобы не увидеть его лицо. Телефон спас меня от ответа: на экране высветилось имя Геннадия. Включила громкую связь.

— Вика, нужна подпись под актом добровольного выезда. Пока он у тебя, возьми её. Потом заявит, что ты вынудила его уйти. Нам это ни к чему.

— Хорошо. Он здесь.

Я подошла с листом и ручкой. Строка для подписи Артура была пустой. Моё имя уже стояло выше — аккуратное, знакомое, словно этот документ был очередным договором с подрядчиком.

— Подпиши, Артур. Иди домой. Куда угодно. Но не сюда. Сюда ты больше неходишь.

Он взял ручку. Попытался поставить её на бумагу, промахнулся мимо строки. Черта вышла кривой. Я прикусила щёку: не торопить, пусть сделает хоть это.

— Я не буду участвовать в фарсе, — сказал он, возвращая лист. — Без адвоката ничего не подпишу.

Я стиснула зубы. Из телефона донёсся раздражённый выдох Геннадия.

— Ладно. Раз ты такой принципиальный.

Лист он вернул вместе с ручкой. Я развернула к себе строку для подписи. Первую букву его имени знала наизусть: столько записок оставлял на холодильнике. Росчерк получился почти таким же. Было время остановиться после первой буквы. Я вывела остальные.

Он смотрел на меня. Я делала вид, что поправляю дату: только не остановиться под этим взглядом. Сейчас он скажет «ты подделала». Сейчас отнимет лист. Но он молчал, а я уже показала подпись камере телефона.

— Готово, — сказала Геннадию и отключилась. — Можешь идти. Дверь открыта.

Артур встал. На первом шаге пошатнулся, ухватился за косяк и замер. Я могла дотянуться до его локтя. Стоило всего лишь протянуть руку.

— Вода, — выдохнул он.

На столе была недопитая стеклянная бутылка. Я посмотрела на неё, потом на мужа. На секунду захотелось налить в стакан, поставить у двери, сказать: «Посиди». Простая вещь. Он попросил воды, а не прощения.

Но если я принесу воду, он останется. Снова будет объяснять. Снова я должна буду слушать.

— Не симулируй, Артур. Приступ слабости, чтобы вызвать чувство вины. Не выйдет.

Я схватила бутылку и бросила в стену рядом с ним. Стекло ударилось о штукатурку и разбилось. Вода потекла по обоям. Один осколок отлетел к его туфле; он посмотрел вниз, но не отступил.

Я сама испугалась звука. Хотелось сказать, что не целилась в него. Так ведь не целилась. Только эти слова уже ничего не меняли: он стоял у двери, которую я обещала не закрывать перед ним никогда.

Артур обошёл осколки и вышел. В коридоре остановился, будто собирался что-то сказать. Я держалась за край стола и ждала. Он закрыл дверь с другой стороны.

В комнате ещё гудела колонка. Я выключила музыку, и стало слышно, как с обоев капает вода. Больше ничем это не объяснишь — ни басами, ни злостью, ни чужой женщиной.

Нужно было убрать стекло. Я принесла щётку, встала на колени и смахнула крупные осколки в совок. Мелкий попал под палец; выступила кровь. Поискала салфетку в куче вещей и наткнулась на серый пиджак, ещё не убранный в мешок.

Из кармана торчала пластиковая карта. Белая, с синей полосой. Клиника OncoLife. Опять она. Я вытащила карту, но дальше названия читать не стала. Сунула в ящик стола рядом с ключами и прижала к порезу бумажную салфетку.

Диски в кабинете, ключи в ящике, коробка в углу. Все пункты выполнены. Один почему-то не входил в список: я стояла на коленях и собирала стекло, которое сама бросила в человека. Под креслом блеснул ещё один осколок. Пришлось доставать его, лёжа на боку.

Я набрала Геннадия.

— Операция завершена. Он ушёл. Всё чисто.

— Отлично, Виктория. Теперь следующий этап. Завтра пришлю проект соглашения о разделе интеллектуальной собственности. Акт выезда подписан, на этом можно давить дальше.

Я посмотрела на поддельную подпись. Дала ему считать её настоящей.

— Да. Давите.

Отложив телефон, подошла к окну. За стеклом шёл дождь. На улице мужчина прикрыв женщину своей курткой, пока она искала что-то в сумке. Я отвернулась: хватит рассматривать чужих людей.

В ящике лежала карта клиники. В какой-то момент я уже взялась за ручку ящика, но вспомнила Артура у косяка и убрала руку. Если открою, придётся не только читать. Придётся признать, что сегодня могла спросить — и не спросила.

С пореза снова пошла кровь. Я сменила салфетку и вернулась к мешкам. Свитер был сверху. Его рукав торчал наружу, и я заправила его внутрь, осторожно, чтобы не испачкать ткань.

Никто больше не мешал мне убирать, работать, распоряжаться квартирой. Я подтянула к себе следующий мешок. Только зачем-то прислушалась к лифту за стеной: не вернулся ли он.

Глава 6

На первом этаже лифт дёрнулся и остановился. Я отступила к стенке, чтобы Кира не задела меня папкой. Она вошла несколькими этажами ниже; всё это время я смотрела на цифры над дверью. Теперь дверца никак не открывалась, а девушка повернулась ко мне.

Кира была в мятой блузке. Без цветов, без дорогой сумки — я зачем-то ожидала увидеть всё, на что ушли наши деньги. В руках у неё папка, край которой она загибала большим пальцем. Такая молодая. Артур должен был смотреть на неё как на девочку из команды. А он написал ей завещание.

— Мне нужна ваша подпись, Виктория Андреевна, — голос у нее был тихий, почти писклявый, но слова звучали как выстрелы. — Артур просил забрать оставшиеся вещи. Мне нужна ваша подпись, что вы их передали.

В бумаге были перечислены вещи Артура. Ни одного слова обо мне — мне оставили строку для подписи. Ещё вчера он сидел на нашем полу, просил коробку с альбомами. Сегодня прислал Киру, и я должна передать ей то, что собирала своими руками.

— Передали? — переспросила я, усмехнувшись так, что свело скулы. — Он бросил меня ради тебя, а ты теперь требуешь от меня печати на его капитуляции?

Я выхватила листок. Бумага хрустнула в пальцах. На глазах у консьержки, наблюдавшей за нами сквозь приоткрытую дверь лифта, я разорвала документ пополам, потом еще раз. Обрывки упали на пол, смешавшись с пылью и крошками хлеба, которые кто-то ронял тут месяцами.

— Убирайся, — прошипела я. — С пустыми руками. Или я вызываю полицию за незаконное проникновение и попытку мошенничества. Ты уже знаешь, как быстро работают мои юристы.

Кира присела и стала собирать обрывки. Пальцы не попадали на край листа; она прижала его ногтем к полу. Я смотрела на её макушку и ждала, что она хоть выругается. Тогда смогу ответить. Но девушка собирала мой мусор, а мне становилось всё противнее.

Наконец двери раскрылись. Консьержка отодвинула стул, чтобы мы прошли. Я переступила через обрывок, который Кира не заметила, и вышла первой. За спиной шуршала её папка. В вестибюле хоть было куда отойти, но она пошла за мной.

— Эти вещи нужны Артуру, — сказала Кира, следуя за мной на расстоянии двух шагов. В ее руках была объемная спортивная сумка. — Для процедур. Он просил передать ему лекарства.

«Процедуры». Что ещё? Он прятался в отеле с медсестрой, и теперь это называется процедурой. В голове всплыло столько мерзких объяснений, что ни одного я не сумела выговорить. Повернулась к ней у контейнеров: хватит идти за мной и разговаривать таким невинным голосом.

— Профессиональная шлюха с медицинским дипломом, — процитировала я вслух, останавливаясь у мусорных контейнеров. Запах отходов ударил в нос, смешиваясь с духами Киры. — Тебе мало того, что ты украла у меня семью? Теперь ты еще и притворяешься сиделкой?

Схватила её сумку за ручки. Кира вцепилась на секунду, потом отпустила — то ли испугалась, то ли решила, что я посмотрю внутрь. Я подняла крышку бака. На мокром картоне лежал раздавленный пакет из-под молока. Сумку держала над ним, чтобы она успела понять, что сейчас будет.

— Держи свои презервативы и ампулы, — рывкнула я и швырнула сумку внутрь.

Застёжка сумки зацепилась за край бака. Стекло внутри звякнуло и треснуло; через ткань стала просачиваться жидкость. Я отступила, чтобы не испачкать туфли.

Кира отодвинула крышку и полезла за сумкой. Из неё достала ампулу, повертела к свету, положила на край. Следующую оставила внутри: та разбилась. Я уже не могла смотреть на неё сверху вниз — пришлось отойти к дорожке, будто собиралась уходить.

— Пожалуйста, — выдохнула она. Только одно слово. Без просьбы вернуть, без обвинений. Просто звук, полный такой безнадежной тоски, что у меня перехватило горло.

На щеке Киры появилась слеза, но она не вытерла её. У неё были заняты обе руки: в одной сумка, другой она выбирала стекло. Хотелось сказать: «Не лезь туда, испачкаешься». После моего броска это прозвучало бы особенно заботливо. Я отвернулась и посмотрела на окна.

— Вот вам, соседи! — крикнула я, заметив любопытные лица, выглянувшие из окон первого этажа. — Ваша любимица, наша новая хозяйка положения, рыдает над мусором!

Из подъезда вышел Игорь Петрович, старый знакомый, живущий на нашем этаже. Он посмотрел на Киру, затем на меня.

— Вика, ну зачем так? — спросил он тихо, но жесткость в его голосе резанула слух. — Девочка просто боится. А ты... ты ведешь себя как зверь.

Игорь Петрович говорил тихо. Хуже всего: как с ребёнком, которого надо пристыдить. Я шагнула ближе. Он не знает, зачем эта девочка пришла. Надо объяснить ему так, чтобы больше не хотелось защищать её при мне.

— Игорь Петрович, — я шагнула навстречу, сокращая дистанцию, вторгаясь в его личное пространство. — Эта женщина пытается украсть интеллектуальную собственность моей компании. Патенты, исходный код, клиентскую базу. То, на чем стоит наш бизнес и ваши инвестиции, если бы вы умели считать. Если вы вмешаетесь или распространите ложные сведения о моих действиях, я подам иск о клевете и защите деловой репутации. Вы хотите судиться со мной? Со своим соседом и партнером?

Игорь Петрович посмотрел на окно своей квартиры. Наверное, там тоже слушали. Я перечисляла суды, инвестиции, ущерб, а он перестал возражать. Именно этого добивалась. Только уходить почему-то хотелось раньше него.

Телефон завибрировал в кармане. Геннадий. Наконец кто-то, кто не будет требовать, чтобы я пожалела Киру. Я повернулась к контейнеру, доставая аппарат: девушка всё ещё разбирала сумку, словно ничего важнее на свете не осталось.

Приняла вызов, не отходя от бака. Если Гена опять спросит, где я, Кира услышит, что ему отвечу. Мне не хотелось выглядеть перед ней человеком, которого сейчас вернут домой одним указанием.

— Аллю, Геннадий. Что случилось?

— Прекрати истерику, Виктория, — голос юриста был сухим и раздраженным. — Ты привлекаешь внимание СМИ. Репутация компании страдает. Нам нужно завершить сделку по продаже доли Артура завтра. Уйди домой. Сейчас же.

— Мне плевать на твою сделку, — отрезала я. — Это мое дело. Мое унижение.

— Это не только твоё дело! Сергей из охраны уже позвонил: ты теряешь деньги на эмоциях!

Геннадий ещё говорил, а я смотрела на лужу у тувель. Если сбросить, перезвонит. Если уйти, Кира соберёт вещи и решит, что я послушалась. Хотелось прекратить хоть один из этих голосов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.